

Танамор. Незримый враг

Автор:

Екатерина Соболев

Танамор. Незримый враг

Екатерина Соболев

Танамор #3

Третья книга захватывающей трилогии от автора «Дарителей» и «Анимы» Екатерины Соболев!

Ирландия, 1837 год. Не все ожившие мертвецы могут жить вечно. Время, подаренное Джонни Гленгаллу волшебством и научным прогрессом, заканчивается, а он так и не разгадал тайну убийцы белокурых красавиц. Танамор бесследно исчез, а жизнерадостная Молли, похоже, нашла себе отличного жениха. Все против Джонни. Но у него еще есть сила духа, находчивость и смекалка, неизменное чувство юмора и, главное, любовь. А также целый день времени! Придерживая отваливающуюся голову действующей рукой, Джонни идет по следу...

Екатерина Соболев

Танамор. Незримый враг

© Екатерина Соболев, текст, 2022

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2022

* * *

Глава 1

Мисс Остин

Все началось с поцелуя.

Хотя обычно им все заканчивается: в любимых романах моей мамы, которые писала дама по имени Джейн Остин, на финал приходится помолвка, а иногда и поцелуй. Откуда я знаю, спросите вы? Еще одной почитательницей мисс Остин была кухарка нашего пансиона, старая дева, умевшая читать. Когда мне было четырнадцать, я тайком пробирался к ней на кухню и поглощал эти, как выражался учитель словесности, «непотребные женские книжонки, которым не место в литературе». Я горячо соглашался (таков уж я, притворство – вторая натура), но продолжал их читать. Мама умерла накануне моего шестилетия, и мне казалось, что перенять любовь к дорогим ей книгам – значит не забыть ее окончательно.

Не собирался быть столь откровенным, но уже столько выболтал на этих страницах, что поздно останавливаться. Записей у меня теперь больше, чем у университетского студента, вот-вот закончится место под кроватью. Пишу я ночами, раз уж спать мне не надо (если прочли остальное, вы знаете почему).

Меня зовут Джон Гленгалл, и два месяца назад меня убили. Понимаю, звучит противоречиво, и все же это чистая правда. Один блестящий ученый – сохранил его личность в тайне – оживил меня с помощью своей науки, но не полностью: я скорее восставшее полумертвое тело, чем живой человек. Но это не значит, что мне чужды простые человеческие чувства: за последние недели я понял это особенно ясно.

Итак, благодаря книгам я с юных лет разбирался, какие джентльмены нравятся девушкам. Богатые, со вкусом одетые, учтивые, но в то же время дерзкие и умеющие отстаивать свое мнение. Герои моей юности влюблялись в зазорных дворянок беднее себя, любили их за характер, а не за красоту, и после жили с ними долго и счастливо. Ведь чувства, если верить мисс Остин, украшают жизнь куда больше, чем деньги, вещи или положение в обществе.

Я был убежден, что в свое время испытаю все чувства, описанные мисс Остин, но тут в мои жизненные планы вмешалась смерть, и на какое-то время стало не до любви. А потом настала весна, и вместе с природой пробудилось мое сердце.

Вот уже месяц я жил в Ирландии, в доме моей доброй знакомой Молли и ее ворчливой мамы. Впрочем, мама стала на удивление менее ворчлива: даже на нее подействовало наступление весны. А еще в эту гостеприимную лачугу зачастил седой здоровяк Фаррелл Маклафлин – мой новый приятель и возница.

Похоже, Фаррелл был так мне благодарен за спасение от одиночества и самобичевания, что теперь выдумывал любые способы доказать свою преданность. Он возил меня и Молли в город, помогал ее мамаше в огороде и на кухне, залатал крышу, привез из своей одинокой хижины саженцы чудесных цветов и высадил их вокруг дома. Мамаша ворчала, что цветы все равно вытопчут куры, но я-то видел, ей приятно. Кому же не понравится видеть красоту каждый день!

За обедом я теперь сидел со всеми. Есть не мог, зато беседу поддерживал. В тот злосчастный день, когда все пошло наперекосяк, я еще из комнаты услышал: происходит что-то необычное. Звуки приготовления к обеду были особенно бодрими, а мамаша даже – вот сюрприз! – напевала. Я направился в главную жилую комнату (она же кухня, столовая и спальня) и остановился в дверях, чтобы оценить обстановку.

Мать Молли гремела ложкой в котелке, висащем над огнем, Фаррелл расставлял на столе миски. Продолжая мурлыкать песенку, мамаша зачерпнула свое варево, попробовала, протянула ложку Фарреллу, и тот хлебнул тоже. Жест показался мне довольно фамильярным, и я вопросительно глянул на сидевшую на лавке Молли, но та и ухом не повела: продолжала увлеченно подшивать какое-то платье.

– Красивая песня, – громко сказал я.

Все подскочили и уставились на меня.

– Парень, ну ты и тихий! – добродушно воскликнул Фаррелл. – Подкрадываешься, как ящерица.

Я насторожился – он тоже был подозрительно весел. Мамаша разложила еду по трем тарелкам, и мы сели за стол. Фаррелл с аппетитом набросился на похлебку, мамаша, косясь на него, принялась за свою. Молли рассеянно тыкала ложкой в еду, то и дело поглядывая на платье, которое оставила на лавке. Я молча наблюдал за ней: меня отчего-то тронуло то, какое внимание достается убогой коричневой тряпке с одинокой кружевной полоской на воротнике.

Какое-то время тишину за столом нарушал только стук ложек, потом мамаша закончила трапезу и торжественно произнесла:

– Нам надо вам кое-что сказать. – Она сжала руку сидящего рядом Фаррелла. – Мы собрались пожениться.

– Что? – очнулся я. – С кем?

– Мы с Фрейей, – терпеливо пояснил Фаррелл.

– Кто это такая?!

– Это я, – свирепо ответила мамаша.

Я осекся. Молли называла ее «мама», Фаррелл – «любезная хозяйка», и «добрая женщина», и «наша прекрасная хозяйка», и... Ох. Похоже, все это давно должно было стать намеком, к чему идет дело, но... Да им обоим лет по пятьдесят, неужто в таком возрасте еще интересуются ухаживаниями? Вот ужас: кому-то в пятьдесят повезло больше, чем мне – в семнадцать.

– Ты месяц торчишь в моем доме и не знал, как меня зовут? – возмутилась мамаша, которая наконец обзавелась именем. – Ах ты...

Фаррелл успокаивающе погладил ее руку, и Фрейя умолкла.

– Когда помолвка? – как ни в чем не бывало спросила Молли. – Ужасно хочется поесть праздничного рагу!

– В пятницу вечером. Нынче же пригласим соседей.

– В пятницу?! Мама, ну ты даешь! Сегодня вторник!

– Я понимаю, все так скоро, Молли, детка. – Мамаша смутилась, хоть в такое и трудно поверить: это все равно что смутить дикого медведя. – Но я много лет через силу жила. Плакала мужа, сына. А теперь встретила того, кто мне жизнь украсил, и... Вот глянешь на нашего гостя и сразу вспоминаешь: жизнь-то коротка, времени терять нельзя. Смерть за каждым однажды придет.

Я возмущенно охнул. Ну, спасибо! Рад быть полезным!

– В четверг, послезавтра, у вас большой день, так? – Мамаша посерьезнела и обвела взглядом нас с Молли. – Вы поймаете убийцу нашего Кирана. Заодно и это отпразднуем.

Я встрепенулся. Собственно, это и было причиной, по которой я уже месяц тут штаны просиживал: поймать убийцу моего друга. Вот только...

– А если мы не сумеем его поймать? – задала Молли вопрос, который и меня тоже интересовал. – Мы же все-таки не сыщики!

– Сумеете. У вас двоих всегда все получается.

Ого, какой внезапный комплимент. Я думал, мамаша считает меня никчемным, но, похоже, любовь смягчила ее сердце с поразительной силой. Мы с Молли переглянулись. Неловкая правда состояла в том, что никаких результатов в поисках убийцы мы за месяц так и не добились.

Неизвестный убивал девушек в Дублине семнадцатого числа каждого месяца, всегда на шумных праздниках. Жертв было не меньше пяти за два года, а полиция так и не догадалась связать их между собой. Я бы этой истории и не

узнал, но одной из жертв была дама сердца моего друга Кирана, брата Молли. Он расследовал ее смерть – и погиб в шаге от разгадки.

Убийство, которое должно было случиться семнадцатого апреля нынешнего тысяча восемьсот тридцать седьмого года, я героически предотвратил. Меня, правда, ранили, – к счастью, нельзя прикончить того, кто уже мертв, – а преступник скрылся. Намеченная им жертва тоже сбежала, и, сколько я ни бродил по улицам Дублина в надежде увидеть эту поразительную красавицу, она мне не встретилась.

Нынче пятнадцатое мая, до нового убийства осталось два дня. Мы с Молли выяснили, что в этот день в городе будет земляничная ярмарка, а значит, преступление, скорее всего, на ней и произойдет. Но больше – ничего. Кто этот безумец, где его искать, почему убивает на праздниках и что связывает его жертв? Наступившая весна заставила нас обоих расслабиться, наслаждаться солнцем и покоем, но вот и расплата.

– Мы что-нибудь придумаем, Фрейя, – проскрипел я, не отводя взгляда от Молли: пусть не вздумает оспаривать мои слова и портить матери романтический настрой. – Но есть и другой важный вопрос. Как вы успеете подготовиться к приему за два дня?

– А что там готовиться-то? Мы ж не короли! Запасы картошки есть, а Бэрр тут поблизости баранов разводит – купим парочку да приготовим рагу на всех.

– Но хоть платье у вас уже заказано?

– Слишком мы старые, чтобы деньги на такое транжирить. Нам главное, что мы будем вместе. – Она сжала руку Фаррелла. Тот сиял. – Перешью старое платье, и довольно. А ты, дочка, приоденься как следует: у многих соседей сыновья – твои ровесники, а я тебе от души счастья желаю.

– Мама! – возмутилась Молли.

Фрейя многозначительно покосилась на меня, и я решил было, что ее сводническая речь предназначена для моих ушей: дескать, если тебе Молли нравится, думай быстрее. И тут же сам на себя рассердился. Когда Фрейя пыталась тащить под венец с Молли моего живого и здорового брата Бена, это

было объяснимо, а я... Будь я жив, мой графский титул наверняка показался бы ей лакомым кусочком, но даже ради титула она не посватает дочь за мертвеца. Так что ее взгляд, скорее всего, означал «держись-ка от моей дочери подальше, а то она никогда себе жениха не найдет». И все же этот взгляд заронил во мне смятение и незнакомую прежде тоску по любви.

– Будьте счастливы, – выдавил я, вспомнив о приличиях.

– Да уж спасибо, – огрызнулась Фрейя.

Я встал, пробормотал еще какие-то скомканные поздравления и выскочил на крыльцо. На улице, как назло, погода тоже была самая романтическая: цвели сливы, белоснежные лепестки дрожали от ветра, свежая листва на деревьях поблескивала, отражая свет. Для полноты картины еще и птицы пели. Май, похоже, невероятно хорош в любой точке мира, будь это даже ирландское село. Солнце заливало сиянием просторные поля, домишки с замшелыми крышами и чьих-то коз, пасущихся у обочины дороги. Я глубоко вдохнул, пытаюсь наполнить свои иссохшие легкие до краев, но только закашлялся.

А вдруг Молли все же находит меня привлекательным? Да, сейчас я не очень-то хорош собой, но для мужчины куда важнее ум, благородство, манеры, а у меня всего этого с избытком! Да, конечно, она крестьянка, а я граф, но вдруг...

– Эй, Джон.

Я подскочил, словно меня застали за чем-то предосудительным. В дверях стоял Фаррелл. Он вечно смотрел на меня ласково, как на сына, которого у него не было, и от этих взглядов я мысленно таял. Конечно, он всего лишь крестьянин, а я граф, но мой собственный отец был так строг и холоден! А тосковал я не только по романтическим чувствам: еще и по матери с отцом, которых больше нет на свете, по брату, который сбежал и, кажется, забыл обо мне, – по всем проявлениям человеческой любви. При жизни мне досталось их так мало, что теперь я цеплялся за каждую крупинку и сам на себя злился за слабость характера. Граф (особенно полумертвый) должен быть оплотом разума, а не сходить с ума от каждого проявления добрых чувств к нему ирландскими крестьянами.

– Знаете, как говорят в Ирландии? – бодро спросил я, чтобы скрыть волнение. – Прочел об этом в газете.

– Валяй.

– Перед женитьбой широко открой глаза, а после женитьбы закрой.

Фаррелл усмехнулся.

– Мои глаза еще никогда не были открыты шире. Фрейя – лучшая из женщин.

Даже приятно, что на любого дракона найдется свой ценитель!

Но тут Фаррелл как-то потерянно, тяжело опустился на ступеньку крыльца, и у меня возникло подозрение, что он не о свадьбе пришел поговорить.

– Все в порядке? – спросил я, когда молчание затянулось, и сел на крыльцо рядом с ним.

– Не совсем, – промямлил он. – Танамор. Меня кое-что насчет него тревожит.

Ох нет, только этого не хватало! Волшебный ирландский трилистник, способный вернуть к жизни мертвеца, мы надежно упокоили в земле, – так я думал до этой самой минуты. За танамором много кто охотился, и о том, где он спрятан, знали лишь двое в целом свете: я и Фаррелл.

Неплохо было бы, конечно, с помощью танамора ожить по-настоящему, но я от этой идеи твердо отказался. Трилистник питается жизнью, разумом и душой своих хранителей, и его можно использовать, только когда он накопит всего этого достаточно. Вот только стать хранителем танамора я никому не пожелаю: посмотрелся, что он сделал с моим отцом и его друзьями. Лучше уж просто умереть, когда пробьет мой час, а пока надеяться, что пробьет он еще нескоро. Ведь за последний месяц мое состояние не изменилось! Я берег тело, не перегружал его, не делал резких движений, не ходил слишком быстро. Вдруг я смогу таким же – не живым, но хотя бы не совсем мертвым – провести еще лет десять? Или даже пятьдесят?

– Трилистник будто... зовет меня, – пробормотал Фаррелл, глядя прямо перед собой. – Когда я возвращаюсь к себе домой, я его чувствую. Так и хочется пойти и выкопать.

– Поэтому вы чаще стали бывать здесь. Не только из-за ма... из-за Фрейи, – понял я. Все говорили мне: у трилистника своя воля, он взывает к тому, кого считает хозяином, но я так надеялся, что с этим покончено! – Вы его вырыли?

– Нет, конечно, – оскорбился Фаррелл. – Вот только... Понимаешь, Фрейя сегодня сказала, что хочет после свадьбы ко мне переехать. Говорит, в ее доме слишком много грустных воспоминаний, для нее это последний шанс начать жизнь заново. Я потому и решился тебе рассказать. – Он говорил все быстрее, захлебывался словами. – Боюсь, что не сдержусь однажды и выкопаю его, и тогда сам не знаю, что будет. Вдруг он у меня жизнь, разум и душу заберет? Или у Фрейи! Я со страху трясусь весь, как об этом подумаю!

Я покосился на него. Фаррелл с обезоруживающей честностью признавался в своей уязвимости. Я так не умел.

– Не беспокойтесь, – твердо сказал я. – Что-нибудь придумаю. А вы пока начинайте к помолвке готовиться, времени терять в вашем возрасте нельзя.

Я тут же понял, что перегнул палку, – где мои манеры? – но Фаррелл только хохотнул и хлопнул меня по плечу.

– Хороший ты человек, Джон, – искренне сказал он. – Я рад, что ты здесь.

Фаррелл с кряхтением встал и ушел в дом, а я долго сидел, подпирая голову кулаком. За стеной кипела жизнь: скрип половиц, разговоры, звон ложек, а у меня на сердце была чернейшая ночь. Сначала я подумал, это из-за новостей о танаморе, но услышал в доме голос Молли, громкий, взволнованный, перекрывающий остальные, и понял.

Мне было обидно, что к свадьбе готовятся даже те, кому нечего, казалось бы, ждать от жизни, а я так и не познал вкуса любви. Молли продолжала что-то страстно вещать, и я погрузился в сладкие мечты, прислонившись затылком к дверному косяку. А что, если мне незачем искать любовь? Вдруг она уже у меня есть?

Жила-была простая ирландская девушка по имени Молли Маллоун. Однажды она уехала работать в Лондон, полюбила там невероятно красивого парня по имени Флинн, а тот убил ее, потому что хотел оставить себе драгоценности, которые Молли ради него украла у хозяйки. Потом у нее было много приключений, она вернулась к жизни (смотрите те страницы, которые валяются в третьей стопке слева у меня под кроватью), отправилась в родную Ирландию, чуть не вышла замуж за привлекательного, но сумасшедшего ученого, а теперь мечтает найти убийцу своего брата и вцепиться ему в глотку, как прекрасная ирландская Немезида.

Хотя «прекрасная» – все-таки преувеличение. У Молли карие глаза и темные волосы, в ее внешности нет ничего особенного, кроме взгляда – очень живого, он оставался таким, даже когда она была наполовину мертва. Этот взгляд не заигрывает, не смотрит на все вокруг как на добычу. Он ласкает жизнь, как бездомную собаку: с теплотой, но не ожидая, что ответом будет виляющий хвост, а не оскаленная пасть. Молли любит свою ворчливую мать, память о почившем брате, свой бедный дом у дороги, землю вокруг него.

Я выпрямился, взволнованный до глубины души. Конечно, я – граф, а она – крестьянка, но зато она живая, а я мертвый, и в целом это уравнивает наши шансы на ответные чувства. Да, я, возможно, тороплю события под влиянием майского солнца и романтически цветущих слив, но давайте-ка посмотрим на Фрейю и Фаррелла! Месяц назад познакомились, а уже помолвка – вот как надо жить! Стремительно и не оглядываясь назад. Я перебрал в памяти наши с Молли приключения и исполнился надежд. Она ценила наше общение, беспокоилась обо мне, усмехалась моим шуткам. Ну конечно, я ей нравлюсь! Я парил в мечтах и все больше убеждался в возможности счастья.

– Чего вы тут? – спросила Молли, выглянув из дома. – Нам надо обсудить, как убийцу поймать.

– Не хочешь прогуляться по саду? – спросил я, глядя на нее новым взглядом в свете совершенных мною открытий.

Мне казалось, нет на свете более прозрачного намека на романтическое настроение, чем предложение вместе прогуляться. Но, похоже, намеки понимают не все.

– Что за смысл бродить вокруг дома? – подозрительно спросил Молли. – Только траву топтать. Еще можно на петрушку наступить, я ее только посадила.

– Можно пройтись по дороге.

– Там экипажи ездят. Поворот близко, могут и сбить, не заметив. Вы такой хилый, я б на вашем месте не рисковала.

– Я ходил там много раз и все еще... – Слово «жив» пришлось проглотить. – Ну, не более мертв, чем был до выхода на дорогу.

Мое остроумие Молли не впечатлило.

– Ладно уж, давайте вокруг дома туда-сюда ходить, раз вам так хочется, – проворчала она и с независимым видом начала прокладывать извилистый путь между недавно засаженными грядками. – Только вы за мной след в след ступайте.

Я послушно зашагал следом. Прогулки с дамой я воображал иначе, но для первого раза готов был смириться.

– Чудесная погода, – начал я.

– Пустые разговорчики, – перебила Молли, не останавливаясь. – Давайте-ка лучше об убийце. Нужно как следует мозгами пораскинуть, чтобы маму не подвести.

Я искренне постарался, но сосредоточиться на убийствах под птичий щебет и жужжание пчел не выходило.

– Давай пока о чем-нибудь другом побеседуем? – смиренно предложил я, наконец поравнявшись с ней. – Чтобы настроиться на серьезный лад.

– Об освобождении Ирландии от британцев? – с надеждой спросила Молли. – Не нужны нам хозяева. Вы нашу землю силой захватили, но пора нам вашу бесчестную власть сбросить.

– А более мирные увлечения у тебя есть?

Молли со значением глянула на меня, словно намекая, что я еще не про все ее увлечения знаю. Это показалось мне очаровательным. И вообще в майских лучах Молли выглядела чудесно. Свет золотил туго скрученные на затылке волосы, брови и кончики ресниц, как будто они уже по-летнему начали выгорать. В своем положении я не мог почувствовать солнечное тепло, но лучи так нежно касались ее кожи, что я почти ощущал их. Вот это острое чувство жизни и заставило меня сделать глупость.

С правдой у меня всегда были сложные отношения, но тут я в мгновение ока поддался чувствам и принял решение: нужно срочно выяснить, как Молли ко мне относится. Так сказать, перелистнуть страницы романа, посвященные многолетним ухаживаниям, и сразу открыть книгу на счастливом финале.

Я шел все медленнее, пока не остановился совсем. Молли вопросительно посмотрела на меня. Мы замерли на дорожке около курятника. Я храбро собирался поцеловать ее, но потом решил, что мистер Дарси из знаменитого романа не действовал бы так напористо. Поэтому спросил:

– Молли... Я... могу я тебя поцеловать?

– Зачем?

Пожалуй, в списке «Худшие ответы на просьбу о поцелуе» этот занял бы первое место. Мне стало больно (а этого непросто добиться, если ничто в твоём теле болеть не может), но я собрал все свое мужество и шутливо ответил:

– Ты такая красивая. Трудно удержаться.

Плохо, плохо, какая неловкая получилась реплика! Молли ошарашенно уставилась на меня, а я не настолько глуп, чтобы не заметить разницу между приятным удивлением («Я мечтала о таком признании, неужто это случилось!») и просто удивлением («В чем дело?!»).

– Извини, – поспешно сказал я. Как хорошо, что я теперь не могу покраснеть! – Я просто... сам не знаю, что на меня нашло.

– Ага, – выдохнула Молли, пристально глядя на меня.

«Ага»?! И это все?

Мы с Молли оба не из тех, кто лезет за словом в карман, но тут тишина затянулась, кажется, навечно. Солнце успело зайти за облако, свет на весенней траве поблек. В романах в такие моменты обычно уезжают лечить разбитое сердце на воды или уходят на войну.

– Давай про это забудем? – как можно бодрее спросил я.

– Давайте, – с готовностью ответила Молли, подписывая окончательный приговор.

Я торопливо отвел взгляд и пошел дальше. Не знаю, как выкрутился бы мистер Дарси. Возможно, сгорел бы со стыда, не сходя с места.

– Итак, Ирландия! – натянуто проговорил я. Как джентльмен, я обязан спасти положение приятной беседой. – Мне кажется, без Британии ей не достичь процветания.

– Угу, – ответила Молли.

Теперь она шла сзади, но поравняться со мной не спешила, – видимо, чтобы нам не пришлось друг на друга смотреть. Не сомневаюсь: в Ирландии полно песен о дерзких девчонках, разбивающих сердца юношам, хотя вряд ли аристократам (и вряд ли мертвым). Глупец, о чем я только думал! Как можно испытывать нежные чувства к тому, кем я стал! Она ведь и видела меня только мертвым, не считая нашей первой, ничего не значащей встречи у забора леди Бланш.

Уязвленное самолюбие требовало немедленно разбить гнетущую тишину и доказать, что я не так уж плох. Нужен был очень эффектный жест, чтобы сгладить такое фиаско. И тогда в порыве отчаянного вдохновения я остановился, развернулся к Молли и выпалил:

– Я знаю, как поймать убийцу твоего брата.

– И как же? – подозрительно спросила она.

Я расправил плечи. Идея была, если честно, не особенно хороша. И в голову мне пришла уже пару недель назад, просто я не упоминал о ней вслух, вдруг что получше выдумаю. Ну ничего. Главное – говорить убедительно, а это я умел.

И я выступал страстно, как парламентарий, лишь бы стереть из памяти Молли недавнюю сцену. Получилось: глаза у нее ожили и загорелись интересом.

Молли Маллоун любит свою ворчливую мать, память о почившем брате, свой бедный дом у дороги, землю вокруг него. Графа Джона Гленгалла Молли не любит. Такой сюжет разбил бы сердце моей матери, если бы попался ей в романах мисс Остин (но он не попался бы, потому что интерес графа к простолюдинке – это слишком даже для столь вольнодумной леди). Невзаимные чувства – так себе сюжет. Какой в них смысл?

Но пусть Молли не волнуется – о моих глупых, вызванных близостью смерти мечтах она не услышит. Я всегда подозревал, что чувства надо держать в узде разума, тогда они не смогут причинить боли. А свое жалкое признание я лучше сожгу. И начну историю заново – с чистой страницы.

Глава 1, настоящая

Зло под солнцем

Темные дела должны вершиться во тьме. Невыносимо ждать ужасов майским утром в толпе веселых горожан на празднике под названием «Земляничное безумие». Я поежился – скорее по привычке, чем по необходимости. Мертв уже так давно, а все не могу забыть радостей живого тела: поежиться, коснуться

рукой предмета, чтобы выяснить, каков он на ощупь.

Нынче семнадцатое мая, четверг. С памятной сцены около курятника (я ведь решил, что не буду больше о ней упоминать, а теперь придется всю страницу переписывать!) прошло два дня.

Мы с Молли, чувствуя неловкость, избегали компании друг друга, но тишину в доме скрашивало влюбленное воркование Фрейи и Фаррелла. Они бурно обсуждали угощение для помолвки и не заметили бы, даже если бы рядом с ними бродил дрессированный тигр, – вот что любовь делает с людьми! Джон, соберись, забудь о любви. Теперь ты хладнокровный мыслитель, идущий по следу злодея.

Итак, мы с Молли толкаемся на земляничном празднике (единственном намеченном на этот день, а значит, убийца его не пропустит) и надеемся остановить мерзавца, хоть и не знаем ни лица его, ни имени.

– Мистер, что с вами? – спросила Молли. – У вас рот подергивается.

– Это улыбка, – соврал я.

Видимо, рот и правда дергался: иногда я переставал ощущать, что делает мое немощное тело.

– На улыбку не очень-то похоже, – гнула свою линию эта упрямая ирландская коза. – Вам плохо?

Не хватало еще, чтобы она присматривала за мной, как за дряхлым дедулей, стоящим одной ногой в могиле (в моем случае, ха-ха, уже двумя).

– Плохо от смеха при виде твоей шляпки. Она любого злодея отпугнет.

Молли возмущенно фыркнула. Шляпка и правда была презабавная: из дешевой ткани, украшенная лентой не в цвет и жалким бумажным цветком. И труднее всего мне, лондонскому щеголю, было смириться с тем, что даже этот ее наряд я в глубине души находил привлекательным. Я видел Молли мертвецки мертвой, и теперь никакая шляпа не могла испортить ее живую.

Да что ж такое! Не получается скрыть от бумаги свои чувства. Решено: расскажу как есть, а потом сожгу все до последней страницы.

– Пока вы над моей шляпкой потешаетесь, мы можем убийство проворонить, – со свойственной ей честностью сказала Молли, оторвав меня от размышлений.

Она широким жестом обвела площадь, и я помрачнел окончательно. Наш – ладно, мой – план был элегантен и прост: прийти сюда, следить за всеми блондинками (потому что убивают только их, и это совершенно необъяснимо). Увидев, как к кому-то из них приближается угрожающая фигура, эту фигуру схватить и доставить в полицию. Я недооценил одно: похоже, ирландцы страстно любят землянику. В этом году она уродилась особенно рано, чем, похоже, только подогрела их интерес.

Нюха я полностью лишился, когда умер, и сейчас особенно жалел об этом. Уверен, над площадью витал восхитительный аромат – посетители то и дело шумно втягивали носом воздух. Земляничных товаров здесь было множество: сами ягоды, джемы, сладости, отвары, компоты. Народ ломился к прилавкам, громко торговался, сбивая цены. Звенели стеклянные банки, глиняные горшки, монеты. На небольшом возвышении, сколоченном из досок, бодро играли три скрипача, хотя расслышать что-то в таком шквале звуков было невозможно. Мужчин среднего роста и телосложения – единственные приметы убийцы, которые я успел разглядеть в прошлый раз, – здесь была добрая сотня. Повсюду царило истинное земляничное безумие, люди выглядели пьяными от сладкого запаха и долгожданной весны.

Молли тоже смотрела на толпу удрученно.

– А давайте по-другому сделаем? – сказала она наконец. – Залезем на сцену, где играют скрипачи, и громко объявим, что все светловолосые девушки в опасности. Скажем, что в толпе убийца, полиция уже здесь, это его спугнет! Ведь спугнули же вы его в прошлый раз, и никто не погиб!

– Мы сорвем праздник.

– Да плевать на него!

– Если сделать по-твоему, убийцу мы не поймем. Он тихо скроется, и следующий шанс поймать его будет лишь через месяц.

– Зато он никого не убьет! Его можно напугать, мы это уже выяснили! Что для вас важнее: поймать убийцу или спасти жизнь какой-нибудь несчастной женщине?!

«Поймать убийцу», – чуть не сказал я.

Самому найти и задержать преступника было бы истинным героизмом, после этого Молли наверняка оценила бы меня.

– Давай просто действовать, как решили, – уклончиво ответил я. – Как я решил.

– Но почему?! Почему мы должны делать, как вы сказали? – не отставала Молли. – Вы же видите, сколько тут народу!

– Уверен, мы что-то заметим. Впереди целый день, вряд ли он убьет кого-то прямо с утра.

Я верил в свою удачу и не сомневался: что-то укажет мне путь. И убийцу поймаю, и незнакомую девушку спасу. Я ведь столько раз был на волосок от смерти, но почти жив! Молли раздраженно цыкнула.

– Вы, мужчины, и ваше проклятое самолюбие! Вечно думаете, что все знаете! Если б вы почаще наше мнение спрашивали...

– Я один раз тебя спросил! – выпалил я прежде, чем успел себя остановить.

И сам испугался: сразу понял, что она догадалась, о чем я. «Могу ли я тебя поцеловать?» – вопрос яснее некуда. Молли сердито покраснела и уже открыла рот, чтобы ответить, но тут удача отвернулась от нас обоих.

Крик раздался с дальнего конца площади. Я застыл. Мы с Молли препирались, как дети, а в это время... Не помню, как бежал туда, откуда донесся хриплый женский голос. В моем состоянии мне трудно передвигаться, но в ту минуту я точно побил собственные рекорды.

Убийца, словно издеваясь над нами, темноты ждать не стал, часы едва пробили десять утра. На мостовой около одного из земляничных прилавков сидела девушка в белой шляпке. Она упиралась обеими ладонями в мостовую и стонала, рядом валялись кошелек и лукошко земляники, а на спине у нее расплывалось красное пятно. Я едва скользнул по ней взглядом: мое внимание сразу привлек человек, который торопливо удалялся от места происшествия, хотя разглядеть я мог лишь мелькающую в толпе шляпу.

– Молли! – взвыл я и бросился в погоню.

Увы, «бросился» – слишком громкое слово для тщедушного существа, которым я стал. Отпихивать с дороги любопытных, которых привлекли крики девушки, я не мог и вместо этого подныривал под их руками, ни на миг не упуская из виду синюю шляпу с широкими полями. В прошлый раз (тот злосчастный раз, что закончился дырой в моем животе) шляпа на преступнике была другой, а поступь казалась более тяжелой. Нынешний беглец удирал как заяц, но я постарался не думать об этом: не может быть, чтобы убийц оказалось двое, верно?

Я сразу начал уставать и с каждым шагом бежал все медленнее. Утешало одно: Молли проворная, она догонит беглеца и обрушит на него всю силу своей ярости. Но, обернувшись, я выяснил, что она за мной не следует. Как она могла так меня подвести! Я зашипел от досады, поднажал, стараясь не замечать, как противно хрустят суставы коленей и бедер, – и понял, что упустил синюю шляпу из виду. Всего на секунду, но в такой толпе и этого довольно. Я завертел головой, не желая смириться с поражением, и...

Трудно объяснить, как ощущается опасность, но именно ее я и почувствовал. Словно что-то неумолимое и страшное таится у меня за плечом. Я хотел повернуться, и тут меня с силой толкнули в спину.

Земля ушла из-под ног, и я рухнул, как мешок с костями, попутно сбив с ног какую-то даму. Дама принялась сыпать ругательствами, вскочила и треснула меня по ноге зонтиком. Я замотал головой, надеясь, что гул в ушах стихнет, попытался встать и не смог.

Мир вращался. Я чувствовал себя как жук на щепочке, несущейся в бурном водном потоке. Света вокруг становилось все меньше, мир темнел и выцветал, но внезапно и краски, и звуки вернулись.

Хаос на площади усилился – похоже, весть о том, что кого-то ударили ножом, разнеслась повсюду. Скрипачи перестали играть. Толпа разделилась на тех, кто хотел поскорее скрыться, и тех, кто хотел пробраться ближе к месту преступления. И те и другие на своем пути спотыкались об меня, но боли я предсказуемо не чувствовал. Ощущаешь себя особенно неживым, когда видишь, как чей-то ботинок приземляется тебе на колено, и не пытаешься отдернуть ногу. Я встал, цепляясь за пробегающих мимо прохожих. Оглядел толпу. Синей шляпы и след простыл.

Чувствовал я себя странно. Опасно получать повреждения, когда лишен чувства осязания. Боль – это сигнал, дающий понять, где у тебя неприятности, великая привилегия живых. Пытаясь понять, в чем дело, я зашарил бесчувственными руками по груди, бокам, животу.

Правду я выяснил только потому, что очень люблю наряды. Они, пожалуй, главная радость моего существования и никогда не подводили меня, в отличие от брата, отца и самой жизни.

И вот сейчас я нащупал у себя на спине прореху. Конечно, ее не было там раньше – я тщательно оглядываю себя перед выходом из дома и не потерпел бы рваного сюртука. Я сунул в нее пальцы и даже своим ослабевшим осязанием почувствовал: дыра есть не только в ткани, но и во мне. Сюртук и рубашка были разорваны. И плоть под ними – тоже.

Меня не просто толкнули в спину, а ударили ножом так же, как несчастную девушку. Ну, ничего, ничего, сейчас все срастется. Сколько повреждений я получил месяц назад, пока мы с Кираном выбирались с фабрики! Да и ножом мне уже доставалось – рана затянулась прямо на глазах, только рубашка была испорчена.

Я постоял, шатаясь под натиском толпы. Потрогал рану снова – она никуда не делась. И что-то еще, помимо самого ее наличия, меня беспокоило. Я не сразу понял: рана не мокрая.

При повреждениях из меня всегда вытекал прозрачный раствор, который тек по моим венам вместо крови. Было противно, но теперь ничего, совсем ничего не выливалось, словно нож попал в тесто, или землю, или... или в совершенно мертвую плоть. Мне стало тошно от страха. Захотелось немедленно, прямо

посреди площади сорвать с себя одежду и выяснить, что же со мной такое.

Я пришел в себя от истерического женского вопля: «Убийца! Тут убийца!», после которого движение вокруг стало еще хаотичнее. До меня с трудом дошло: не я стал причиной хаоса, на меня никто и внимания не обращает. Значит... Нет, не может быть, девушка была жива, когда я ее видел! Эта мысль придала мне сил пуститься в обратный путь.

Двигаясь как в тумане, я добрался туда, где толпа была особенно плотной, и просочился в самый центр. На земле лежала та самая девушка. Жива! Шляпка с ее головы упала, и теперь я видел ее волосы: светлые, нежно-золотые. Молли, сидевшая на коленях рядом с ней, умоляюще крикнула – наверное, не в первый раз:

– Врача, ну! Есть тут доктор или нет, чтоб вас!

Но, похоже, доктор в Ирландии – явление нечастое. Кажется, никто из этой братии земляничную ярмарку не почтил. Я с трудом опустился на колени. Девушка кривилась и всхлипывала, задыхалась, царапала ногтями асфальт – болезненные, но чудесные признаки жизни.

– Кто это сделал? – выдавил я, пытаюсь поймать ее взгляд.

– Нэнси, – простонала девушка, словно не слышала мой вопрос и отвечала своим мыслям. – Нэнси!

– Врач сейчас придет, – бормотала Молли. – Сейчас, сейчас, они кого-то найдут.

– Нэнси, – повторила девушка.

А потом закрыла глаза, и губы ее перестали шевелиться. Я испуганно потрогал ее руку, даже зная, что со своим слабым осязанием вряд ли смогу нащупать пульс. Глянул на Молли – и прочел ответ на ее лице. Нет же, нет, все не могло так бесславно закончиться! Даже я, полуживая развалина, еще как-то цепляюсь за жизнь, а ведь девушка была просто ранена, она не могла вот так... Молли схватила меня под локоть, вздернула на ноги и потащила прочь.

– Куда? – слабо запротестовал я.

– Сейчас полиция явится. Хотите с ними поболтать?

– Вообще-то я бы не отказа... – начал я, но тут она окончательно вытащила меня из толпы на край площади, развернула к себе, и я опешил.

Мы с Молли были, может, и не друзьями, но уж точно добрыми товарищами по несчастью. Пару раз она всерьез на меня злилась, но никогда еще в ее взгляде не было такой ярости.

– Это из-за вас, – прошипела она. – Из-за вас!

Я задохнулся от возмущения.

– Нет! Я не... Из-за тебя мы его не поймали! Я же велел: если что-то случится, бежать не к жертве, ей и так помогут, а к преступнику! Вместе мы бы его схватили! А если и нет – хотя бы узнали, как он выглядит, но ты...

Голос сорвался. Мои измученные голосовые связки так давно не смягчала слюна, горло было сухим, будто в него песку насыпали, – живые не понимают, как им повезло иметь столь изумительно работающее тело. Я схватился за ближайшую стену и переждал приступ кашля, который меня чуть с ног не сбил. Согнуться оказалось неожиданно трудно. Что-то было не так. С моей спиной что-то совершенно точно было не так.

– Если бы мы сделали, как я предлагала, она бы не умерла! – заорала Молли так оглушительно, что на месте полиции я бы арестовал нас самих. – Уж простите, что не могла смотреть, как она мучается!

Я побрел прочь, не в силах вынести ее сокрушительный гнев. Фаррелл, наш верный возница, ждал на ближайшей улочке, привычно подремывая на козлах, и по нашим лицам сразу увидел: дело плохо.

– Ох, – только и сказал он.

В экипаж я вполз с трудом, но Молли даже не потянулась мне помочь, как делала обычно, и за всю дорогу домой слова мне не сказала. Я воспользовался передышкой и отдыхал, всем телом навалившись на стену.

Дома я надеялся сразу изучить свой несчастный бок, но на пороге, увы, ждала Фрейя. Похоже, слышала стук колес еще издали. Я выбрался из экипажа, надеясь, что Молли все ей объяснит, но та молча сверлила меня взглядом: дескать, вы все запороли, вы и объясняйтесь.

- Мы не поймали убийцу Кирана, - выдохнул я. - Фрейя, я старался, но...

Лицо у нее застыло. Я только сейчас понял, как сильно Фрейя надеялась, что мы найдем того, кто убил ее сына, чтобы она могла наконец-то освободиться и жить дальше. Она развернулась резко, как обычно делала Молли, и ушла в дом. Фаррелл бросился следом. Молли еще раз красноречиво глянула на меня и пошла за ними.

У меня не достало мужества вмешиваться в их горе, и я поплелся по тропинке вокруг дома - той самой, где мы так неудачно прогулялись с Молли. Подошел к окну своей комнаты. Как и во всех домах ирландских бедняков, оно было небольшим, чтобы беречь тепло. Ничего, пролезу. Я так иссох, что мог бы теперь на ярмарках выступать в роли акробата, который складывается и целиком влезает в небольшой ящик. Я с трудом подтянул свое тело, перекинул его через подоконник и брякнулся на пол. Ну, зато не придется больше ни с кем говорить.

Эту комнату я изысканно обставил по своему вкусу, когда понял, что предстоит провести здесь целый месяц. Зайдя сюда, первым делом я всегда делал одно и то же: брал со стола серебряный умывальный таз и смотрелся в его сияющее дно, поворачивая таз так и эдак, чтобы он получше ловил свет. Мне не хотелось, чтобы жители дома знали, как я озабочен своей внешностью, так что зеркало покупать я не стал. Но таз каждый день предоставлял мне правдивую, хоть и несколько размытую картину моего состояния. Поддержание достойного вида стоило мне некоторых усилий, но в целом таз обычно приносил утешительные новости: выгляжу я неплохо. Бледный, глаза и волосы тусклые, но сойду скорее за больного, чем за мертвого.

Впрочем, лицо меня сейчас волновало куда меньше, чем обычно. Я бережно снял с себя бордовый сюртук, синий жилет и белую рубашку, прислонил таз к стене,

изогнулся, приподняв руку, и заглянул себе за спину.

Солнце ярко сияло, освещая печальную картину. Между ребрами – дыра, которая так и не затянулась. Кожа вокруг нее серая, на вид совершенно мертвая. Рядом не было умника Бена, который объяснил бы поточнее, что со мной происходит, но даже без него было ясно: ничего хорошего. «Некроз», – вспомнил я слово, которое он частенько повторял. Отмирание тканей. Я медленно выпрямился и посмотрел на свое перепуганное лицо. Правду признавать не хотелось, но я понял сразу: не все мои неприятности случились прямо сегодня.

Когда остальные восставшие мертвецы упокоились, сила, наполнившая всех нас во время эксперимента Бена, ушла. В последний месяц я жил мирно и тихо, не имея возможности проверить, заросли ли бы на мне раны, но готов был спорить: нет, эта милость осталась далеко в прошлом.

Целый месяц я берег себя, и оттого мое состояние было неизменным, но всего одно повреждение – и равновесие нарушилось. Спина вокруг раны онемела. Я только сейчас понял, что все же худо-бедно ощущаю свое тело в пространстве, – в сравнении с раненым участком, который перестал чувствовать вообще. И, похоже, теперь этого не остановить. Час назад, на площади, я едва заметил онемение в спине, а сейчас не заметить его было невозможно, словно оно разрослось.

Я тоскливо глянул на стопку газет в углу. Целый месяц прочитывал каждый ежедневный выпуск от корки до корки – искал там новости о своем брате или о его покровителе Каллахане, но оба как в воду канули. Где же Бен, когда он так нужен?! Я не очень верил, что он втайне трудится над новым способом оживить меня, скорее, увлекся чем-то другим. Хотя, пожалуй, сейчас мне уже и Бен не поможет, к чему тратить время на поиски? И конечно, нет такого врача, которому я мог бы показаться без риска довести его до сердечного приступа.

Вот, значит, как все закончится. Судя по скорости, с которой отмирали ткани вокруг раны, вряд ли мне осталось больше пары суток. Эта мысль вызвала уныние, но не шок: никому на свете не дано было столько времени, как мне, чтобы смириться со смертью. Больше всего печалило вот что: когда времени так мало, ничего уже не успеть. Расследование обречено, Молли меня не полюбит, Бен не вернется.

План созрел сразу. Фрейя меня теперь ненавидит, Молли презирает, а до семнадцатого июня и следующей попытки задержать убийцу я не доживу, так что нет смысла задерживаться в этом убогом домишке. Тихо скроюсь, на оставшиеся деньги сниму роскошный номер в роскошной гостинице (насколько этот эпитет применим к заштатному Дублину). Закажу цветов и томик Байрона. А может, даже музыкантов. И проведу остаток жизни в спокойствии, наслаждаясь красотой и праздностью. Хоть немного поживу, как положено графу.

Сказано – сделано. Я побросал несколько костюмов в саквояж, а свои записи, полные нытья, забирать из-под кровати не стал. Надеюсь, жители дома разожгут ими огонь в очаге – все равно читать не умеют.

Раз уж все равно мучиться с застегиванием пуговиц, я решил выбрать свежий наряд. У меня была диковинка, которую я берег для особого случая: черная рубашка, заказанная у местного портного. Черных рубашек никто не носит, но я как чувствовал, что подобный траурный наряд однажды мне понадобится. Я упрямо застегнул мелкие пуговицы плохо гнущимися пальцами. Повязал черный шейный платок. Надел бархатный жилет, сюртук и перчатки того же цвета. Оглядел свое отражение в тазу, и у меня даже настроение немного исправилось. Мне так идет черный! Зря я вечно отвергал его в пользу более ярких оттенков. Последний штрих – цилиндр. Конечно, тоже черный. Получилось необычно, но, пожалуй, даже стильно: я прямо черный человек, заказавший Моцарту знаменитый реквием.

От созерцания своего отражения меня оторвал шум: кто-то с силой хлопнул входной дверью, потом голос Молли крикнул из сада:

– Эгоисты! Самовлюбленные ослы!

– Совсем разума лишилась! – крикнула мамаша ей вслед.

Я выглянул в окно. Молли злобно пинала ствол дерева. Волосы растрепались и выбились из узла на затылке, заслонив лицо, так что я не понял, злится она, грустит или и то и другое. Разумнее всего было не попадаться ей под горячую руку (или, в случае с деревом, ногу), так что я растянулся на кровати и мрачно уставился в потолок. Удары о дерево постепенно стихли. На смену им пришло пение, хриплое и весьма посредственное:

Я ждал в саду под ивой, а дальше мы вместе пошли.

Ее белоснежные ножки едва касались земли.

- Любите, - она говорила, - легко, как растет листва.

Но я был глуп и молод и не знал, что она права.

То, что Молли в столь мрачный час поет любовную балладу, тронуло мое сердце. Наверное, думает о Киране и его смертельной любви. Народная песенка продолжилась в том же печальном духе и на третьем куплете оборвалась. Я не удержался и выглянул снова.

Молли сидела на земле, придавив свою драгоценную петрушку, и рыдала, закрыв руками лицо. Обычно она скупа на столь сильные чувства, и я устыдился того, что стал их невольным свидетелем. А затем понял две вещи.

Первое: что-то внутри меня страдает, когда Молли так страдает. А значит, наверное, она действительно нравится мне, хотя с социальной точки зрения это и глупо: она - простая ирландка, а я - граф. Не знаю, любовь ли это, при жизни я не успел разобраться в столь сложных ощущениях, но, возможно, это то, что могло бы ею стать.

Второе: а вдруг у меня достаточно времени, чтобы понравиться ей? Я стану таким галантным, полезным и блистательным, что устоять будет невозможно! И тогда, пусть совсем ненадолго, я почувствую, каково это - быть любимым. Хочу этого больше всего на свете, а последнее желание умирающего священо, разве нет?

Задача сложна: герои мисс Остин годами не могли решить своих любовных дел, а у меня всего пара дней. Ну да ничего. Это же я! Я уникальный, справлюсь. И тогда Молли будет оплакивать меня так же страстно, как сейчас оплакивала неотомщенного Кирана и девушку с площади. Поставлю свой блестящий разум на службу чувству: вот лучший способ потратить свои последние дни!

А моим главным подарком Молли, главным козырем, станет убийца ее брата, которого я преподнесу ей на блюдечке. Ждать семнадцатого июня не обязательно. Целый месяц я был убаюкан покоем деревенской жизни и старался недостаточно, но с этим покончено. Либо я завуюю любовь Молли, либо умру

одиноким и разочарованным, третьего не дано.

Мечта наполнила меня такими силами, что перспектива валяться на гостиничной перине и слушать наемных музыкантов поблекла. Я толкнул саквояж с одеждой под стол. Думай, Джон, думай! Убийца где-то в городе, нужно просто понять, как его найти!

Я методично собрал все немногое, что было у нас по этому делу: газетные заметки с упоминаниями прошлых убийств да книга, которую убийца подарил Кирану, – Эдгар По, «Метценгерштейн». Месяц назад мы нашли ее в тайнике под настилом сеновала – Молли рассказала, что Киран любил там отдыхать. Неграмотную Молли находка не очень-то впечатлила. Она печально рассмотрела надпись, которую убийца оставил на первой странице: «На добрую память дорогому Кирану», сказала, что буквы написаны очень красиво, скривилась от ненависти и ушла по своим делам. А я снова и снова перечитывал книгу неизвестного мне американского автора, пытаюсь найти хоть какие-то подсказки. Убийца, которого Киран считал своим наставником в деле сыска, по ней учил Кирана читать, и это был поистине странный выбор для обучения: мрачный рассказик о смерти, безумии и потере. Да еще эпитафия из Мартина Лютера, словно заранее обещающий беду: «При жизни был для тебя чумой, умирая, буду твоей смертью».

Кто бы ни выбрал такую книгу в подарок, он не просто безумец, убивающий женщин, он – игрок, который наслаждался тем, что водил Кирана за нос. Изображал частного сыщика, разбрасывал перед Кираном перлы своей мудрости о том, каким должен быть настоящий сыщик, подарил странную книгу, выманил единственную улику – обрывок сюртука убийцы, а потом безжалостно отравил. Я угрюмо перебрал газетные заметки. Убивали самых разных женщин: дочь купца, прачку, богатую вдову. Напоминанием о каждой осталась лишь скупая заметка в газете. Интересно, их кто-то оплакивает или уже забыли?

И тут меня осенило. Вот с чего надо начать расследование! О жертвах мы ничего не знаем, они – просто имена на выцветших страницах, но что, если... Я самодовольно улыбнулся и встал. Жизнь продолжается, дамы и господа. Что такое сорок восемь часов в умелых руках? Охотно отвечаю: это целая вечность.

Глава 2

Малиновка

Я бросил еще один взгляд на свое отражение в тазу.

Торопливо прошелся по лицу новым слоем бежевой пудры, добавил губам розового цвета пудрой другого оттенка (рад, что все это сожгу, – такое никто не должен прочесть!). Лихорадочно прислушался к звукам из сада. Все еще плачет! Я обрызгался лавандовой водой, хоть и не чувствовал запаха, выбрался в окно и заковылял в сад.

Какую радость я ощущал! Словно горы могу свернуть. Подойдя к Молли, я откашлялся.

– Чего вам? – грубо спросила она и вытерла кулаком нос.

– Прошу извинить, что прервал твое уединение, – учтиво поклонился я. – Но у меня появилась идея, как найти преступника.

Несколько секунд она смотрела на меня так, будто не понимала, о чем речь.

– А, – очнулась она. – И какая идея?

– Могу я сесть?

Кажется, с учтивостью я все-таки перегнул палку: лицо у Молли стало подозрительным. Она снова вытерла нос, а я ловко вытащил из нагрудного кармана платок и протянул ей. Звездный час для джентльмена: протянуть даме платок, когда он ей нужен. Молли взяла платок и шумно высморкалась.

– Наша ошибка в том, что мы пытались вообразить убийцу, – объяснил я, продолжая стоять. – Но гораздо важнее, кто его жертвы. Есть ведь между ними какая-то связь! Как он их выбирает, как заставляет приходить на праздники в одиночестве?

– Да просто чокнутый он, и все! – огрызнулась Молли, не выказав ни малейшего восхищения моим ходом мысли.

Я покачал головой. Собственное убийство научило меня важной вещи: у любого преступления всегда есть какая-то причина – пусть безумная, странная и на первый взгляд незаметная.

– Как говорил Гамлет, «я безумен только в норд-норд-вест, при южном ветре я еще отличу сокола от цапли».

– Мне только птиц сейчас не хватало, – угрюмо перебила Молли. – Вы чего сказать-то хотите?

– Что безумец не сумел бы так тщательно все спланировать. Напротив, он в своем роде очень умен.

– Ох, радость какая.

– Сегодняшняя девушка была одета изысканно: платье из дорогой ткани, дорогая обувь, – настаивал я. – Такие девушки не ходят поодиночке на грязные рынки. Нужна недюжинная смекалка, чтобы ее выманить. И мне интересно: как ему это удалось?

– И как?

– Пока не знаю. Но вот наш первый шаг: мы должны выяснить, кем была эта девушка. Вдруг все проще, чем нам кажется, и она рассказала кому-то из семьи или друзей, куда и зачем идет! А узнав это, мы поймем, что делать дальше.

Взгляд у Молли прояснился. Похоже, я на верном пути!

– Точно, – прошептала она. – У нее наверняка остались скорбящие родственники. Они будут счастливы и на все готовы, если мы выясним, кто убил их дочь или невесту, так?

Мне показалось, это довольно странный угол зрения на проблему, – но ведь она страдает по Кирану, неудивительно, что все ей видится именно в этом свете. Я заколебался, но все же прибавил кое-что еще: наверняка Молли хочет это услышать, и это поднимет меня в ее глазах.

– Уверен, что будут. И еще хочу сказать: прости. Мне жаль, что на площади я тебя не послушал. Нужно было забраться на сцену и всех предупредить. Ты права, девушка погибла из-за меня, но...

Я осекся. Чуть не выдал себя! «Но тот, кто убил ее, убил и меня, так что я уже поплатился». Нет уж, об этом ни слова: узнав, как мне мало осталось, Молли будет меня жалеть, а этого я не хочу. Мужчина должен восхищать своим героизмом и блеском, а не жалость вызывать.

– Ладно уж, прощаю, – милостиво сказала Молли, и у меня отлегло от сердца. Ее гнев напугал меня, и я был рад, что прощен. – Идемте, не будем времени терять.

Золотые слова! Молли зашагала к конюшне, на ходу отряхивая землю со своего мятого коричневого платья. Я пошел следом, но притормозил, проходя мимо входной двери. В романах мисс Остин один из вернейших способов завоевать сердце девушки – это завоевать расположение ее родственников. Я поднялся на крыльцо и заглянул в комнату. Фрейя неподвижно сидела на стуле около потухшего очага, уронив руки на колени. Фаррелл встревоженно бродил из угла в угол. Я остановился в дверях и снял цилиндр. Ну, мистер Дарси, помощи.

– Мне безмерно жаль, что я не смог остановить преступника, – учтиво начал я. – Это целиком моя вина, Молли ни при чем. Но я все исправлю. За ближайшие... примерно двое суток я найду убийцу. Обещаю вам.

Вообще-то я не вправе был давать такие обещания, но вера в успех сияла во мне жарко, как солнце. Фрейя моей веры не разделила. Перевела на меня тяжелый взгляд и сухо спросила:

– Двое суток? Пустая болтовня. Что-то вы и за месяц ничего не выяснили.

– В этот раз все будет по-другому, вы увидите, – смиренно ответил я. – У меня новая идея.

– И она, конечно, лучше прежних, вы же самый умный человек на свете.

– Слышу в вашем голосе иронию, но принимаю ее как справедливый упрек. Фрейя, я понимаю, накануне помолвки я принес вам грустные новости, но...

– Помолвку откладываем, – отрезала она. Вот теперь она была похожа на себя прежнюю: то же мрачное, насупленное лицо, которое встретило меня по приезде в Ирландию. – Тот человек убил моего сына и на свободе разгуливает, а я праздновать буду? Нет уж. Куда мне, старой, торопиться?

– А Молли что думает? – осторожно спросил я.

– А Молли вообще не о том думает! – свирепо ответила мамаша и встала. – Все, идите, куда шли, мне полы протереть надо.

Темная туча снова сгустилась над этой семьей. Их маленький мир определенно нуждался в спасении. Хорошо все-таки, что у них есть я.

– Фрейя. – Я заступил ей путь. – Обещаю: до завтрашнего вечера убийца будет найден. Это будет мой подарок к вашей помолвке. Так что готовьте, шейте, делайте все, что нужно. Не обижайтесь, но ваш дом пока не готов к великолепному приему.

Видно было, что она испытывает сложные чувства: не доверяет мне и все же надеется, что я справлюсь. И надежда все-таки победила.

– Посмотрим, – буркнула Фрейя и удалилась: в ее устах это была невероятно щедрая и дружелюбная реплика, и я торжествующе развернулся к Фарреллу.

– Насчет танамора я все решил. Мы поедем и выбросим его в море, надеюсь, тогда он затихнет.

Фаррелл в ответ глянул на меня весьма странно.

- Так нет уже никакой загвоздки, - пробубнил он. - Танамор, он это... исчез.

- Что?! - громче, чем собирался, охнул я, и Фаррелл торопливо шикнул, прижав палец к губам.

- Тише! Я сегодня у себя ночевал - хотел парадный костюм забрать, - взволнованно зашептал он. - И чувствую: нету зова больше! Помнишь, мы с тобой танамор под маргариткой зарыли? - Он еще понизил голос. - Я туда подошел, смотрю: завяла маргаритка! Разрыл под ней землю, а там - ничего.

Я похолодел, хотя и так уже был холоднее некуда.

- Кто мог его забрать?

- Никто. - Фаррелл с детской растерянностью развел руками. - Только мы с тобой знали, где он зарыт, а без этого найти его никак невозможно. Земля забрала, вот что. Мерлин ведь в сказке три обломка мрамора с земли подобрал да волшебную силу в них вдохнул, и они в трилистник сошлись. Дал его Мерлин ирландской девушке, чтобы она своего любимого оживила, а потом хотел обратно земле вернуть, да только девушка хитрая была и обратно отдавать такую ценность не захотела, так что...

- Да знаю я сказку, - простонал я. - Но это же выдумка! Фаррелл, умоляю, если ты вырыл танамор, ничего страшного, это он тебя заставил, у него своя воля, просто скажи мне!

- Сказки - не выдумка, - строго сказал Фаррелл. - На нашем острове все может случиться! - Он сжал мои тщедушные плечи своими ручищами и твердо посмотрел мне в глаза. - Нету его. Земля забрала.

- Это ненаучно.

- И кто это говорит? Живой мертвец?

М-да, с этим не поспоришь. Я тяжело вздохнул. В конце концов, если трилистник вправду оживлял мертвецов (а он на моих глазах вернул Молли), то почему бы ему не исчезнуть в земле без следа? Когда разум не может понять какое-то

явление, не значит ли это, что мы пока просто мало знаем о его свойствах? Уверен, Бен согласился бы со мной. Бен, ну где же ты, ты мне так нужен!

Земля этого острова породила танамор, она его и забрала. Звучит разумно. Я поднял глаза на Фаррелла. Тот смотрел на меня сочувствующим, отеческим взглядом, за который я сразу простил ему такие странные вести.

– Как ты, парень? Выглядишь так себе. – Он сжал мое костлявое плечо, чем очень меня смутил. – Не вини себя, ты делаешь что можешь. Как всегда.

– Готовьтесь к помолвке, – громко сказал я, чтобы слышала Фрейя. – Оповестите гостей, пусть завтра вечером приходят.

Все, отступить некуда. Не могу же я умереть, нарушив обещание и покрыв себя позором! Я повернулся к выходу – и напоролся на Молли, которая, как выяснилось, молча стояла в дверях. Похоже, не я один умею тихо подкрадываться. Но она, к счастью, ничего комментировать не стала: жестом подозвала меня, и я вышел во двор следом за ней. Запряженный экипаж уже стоял около конюшни. Молли взобралась на козлы.

– Ты что, умеешь управлять экипажем?! – не поверил я, но на мягкую скамью для пассажиров покорно забрался.

– Если нужно. Когда я была ребенком, отец учил меня.

– Нас целый месяц возил Фаррелл, и ты об этом не упоминала.

Молли встряхнула поводьями, и лошадь послушно зашагала в сторону дороги.

– Я знала, что Фаррелл хочет выслужиться перед мамой. Он гордится тем, как хорошо экипажем правит. К чему человека радости лишать?

Больше всего меня впечатлило то, что Молли вообще умеет что-то скрывать. Я был уверен: она вся – как распахнутая книга.

– То есть ты знала про их... их... взаимный интерес? – светским тоном поинтересовался я, не отводя взгляда от ее прямой, как доска, спины.

– Ну я же не слепая. В отличие от вас. – Она покосилась на меня, вдруг развеселившись. – Но что с вас возьмешь, зрение-то уже не то, а?

Я оскорбленно промолчал – обидно было, что мою проницательность подвергают сомнению. Похоже, добиться того, чтобы Молли через пару дней жить без меня не могла, будет сложнее, чем я думал.

На площади, где утром проходил праздник земляничного безумия, обстановка была деловитой и мрачной. Торговцы упаковывали свой товар: те, кто еще не уехал, явно собирались это сделать. Тела девушки уже не было, кровь с мостовой смыли. Констебли угрюмо маячили по периметру площади. Видимо, праздник отменила полиция.

Констебли все были в одинаковой, как у солдат, униформе, в высоких фуражках с золотым значком в виде британской короны. Вид у них был довольно бравый, так что на минутку я понадеялся, что преступника уже нашли без нас. Лишили меня славы, зато облегчили задачу. Я подошел к зажиточному на вид лавочнику, который уныло грузил ящики на телегу.

– Уважаемый, вы не подскажете, убийцу поймали?

– Куда там, – буркнул он. – Никакого толку от этой британской полиции, только зря налог на них платим.

Слова «британская полиция» меня ободрили – неужели тут служат мои соотечественники, а не дикие местные ирландцы? Это значительно упростит дело.

– Не знаете, кем была убитая бедняжка?

Лавочник грохнул на телегу очередной ящик и с подозрением глянул на меня.

– Вы не англичанин случаем? Говорите, как они.

Отрицать это было, к сожалению, бесполезно, – я, со своим блестящим образованием, никак не смог бы изобразить местный неблагозвучный говор.

– Не просто англичанин, – произнес я, сразу переходя к самому действенному способу убеждения, какой только известен человечеству. – А англичанин, у которого есть деньги и которому очень нужно что-нибудь узнать об убитой девушке.

Я вытащил из жилетного кармана монету и многозначительно покачал ее на ладони.

– Слышал, дочь богатых родителей, – сказал лавочник, не отводя взгляда от монеты. – Но кого именно, не знаю, сплетнями не интересуюсь. Я так и сказал тому проныре, который час назад приходил.

– Что за проныра?

– Из газеты. Тоже про девушку расспрашивал.

– А как его звали?

– А то он представился! Сказал, из газеты, и все. Но уж как страстно расспрашивал!

Ого... Киран со своим будущим убийцей так и познакомился: изучал место, где убили его возлюбленную, и встретил там незнакомца. Тот представился частным сыщиком, а бедняга Киран так и не узнал, что это вранье. И если убийца тогда вернулся на место преступления, что мешает ему поступить так снова?

– Опишите человека из газеты.

Я наконец опустил монету на ладонь лавочнику, и она мгновенно исчезла в его кармане.

– Стройный джентльмен, молодой или, скорее, молодежавый. С собой хорош, гладко выбрит, – старательно перечислил повеселевший лавочник. – Костюм из дешевого сукна, волосы темные, в остальном ничего интересного.

– А рост? – жадно спросил я.

Если этот псевдожурналист – оглобля или коротышка, все пропало.

– Да средний, ни то ни се. Вот примерно как вы.

Довольные беседой, мы распрощались, – и тут я понял, что Молли рядом нет. Она оживленно болтала с женщиной поблизости. Заметив мой взгляд, она подошла.

– Девушку звали Элизабет Дигсби, – торжественно сказала Молли. – Дочь барона Дигсби. Она покупала землянику просто для отвода глаз. Марианна говорит, Элизабет кого-то искала.

Прямо как красавица, которую я спас от смерти ровно месяц назад: та озиралась, высматривая кого-то в толпе.

– Эта Марианна – твоя приятельница? – спросил я, немного задетый тем, что Молли легко (и, скорее всего, бесплатно) добыла такие ценные сведения.

– Да первый раз ее вижу. Только дело ясное: о женщинах лучше женщин расспрашивать. Элизабет красивая была, такую на рынке сразу заметишь. Марианна земляничный компот поблизости продавала, но торговля не шла, вот она на нарядную леди и засмотрелась. А убийцу не видела – отвлеклась, покупатель подошел.

– Зато тот, кого расспрашивал я, возможно, видел убийцу всего лишь час назад! – похвастался я. – В этот раз он выдал себя за газетчика. Нужно посетить редакцию и проверить – если тот, кого описал лавочник, там не работает, значит, у нас есть приметы убийцы.

На Молли это произвело впечатление, и я торжествующе улыбнулся.

– Поехали. Я знаю, где контора местной газеты, – писал для них статью о восставших мертвецах. Сомневаюсь, что газет в вашем городе больше одной.

На пути к экипажу, который Молли оставила без присмотра у края площади, я еще разок покосился на констеблей. Увы, вряд ли они чем-то нам помогут. Лица у них были скучающие и, признаться, совсем не британские. Если приглядеться – простые местные крестьяне, которых одинаково одели.

Пока мы ехали по городу, где-то дважды пробил колокол. Всего два часа пополудни, а мне день казался бесконечным! Город в этот теплый, солнечный час был полон шума, лязга колес, лая собак и пронзительных голосов уличных зазывал. Около здания дублинской газеты я сказал Молли:

- Подожди здесь, я быстро.

- Еще чего! С вами пойду.

- Газета – это мужской мир, ты слишком много внимания привлечешь.

- А если там убийца?!

- Он точно не убьет меня посреди конторы.

Молли заколебалась, но все же буркнула:

- Ладно уж, идите.

В разгар дня редакцию наполняли суета, беготня, стук пишущей машинки и шелест бумаги. В приемной стояла скамья для посетителей, возле нее – полка со свежими номерами газеты («Опусти в кружку один пенс и бери! Дешевле, чем на улице!» – гласила деревянная табличка) и стойка, заваленная письмами. За распахнутыми дверьми в большой зал царили шум и гам. Я туда с интересом заглянул. В прошлый мой визит двери были закрыты, а ведь любопытно узнать, как создается газета. Оказалось, ничего особенно интересного: много разнокалиберной мебели, табачного дыма, исписанной бумаги и азартно кричащих друг на друга мужчин (не крестьян, но и не джентльменов).

За стойкой для писем стоял все тот же ловкий малый лет тридцати, которому я месяц назад вручил свою статью о восставших. Увидев меня, он радостно присвистнул и немедленно бросил свое занятие.

- А я-то ждал, когда снова зайдете! Решил, что вы умерли. Вид у вас был больной, а сейчас, признаться, еще хуже. – Он облокотился на стойку. – Вы просили найти сына того мужчины, которого убил тюремный охранник, и я это сделал! Читателей так тронула история отца, который даже после смерти,

будучи восставшим мертвецом, о сыне волновался, – они нам кучу писем написали. И знаете что? В тюрьме струхнули от такой огласки, и теперь дело этого парня пересмотрят в суде. Они с отцом всего-то парочку кур украли. Он скоро выйдет! Мы этого добились, и все благодаря вашей прекрасной статье о восставших! Да и я в накладе не остался: меня тут никто всерьез не воспринимал, а после этого мне доверили материал для чужих статей собирать! Хотите к нам на постоянную работу? Я похлопочу.

– Нет, благодарю. Я очень занят, и у меня к вам срочный вопрос.

– А это кто? – восхищенно выдохнул газетчик, глядя мне за спину.

Я обернулся. Ну конечно, как я мог поверить, что Молли останется в стороне! И тут я заметил кое-что еще: то, как она смотрит на газетчика. Внимательно, долго. Пожалуй, даже ошарашенно. Газетчик смотрел в ответ, независимо задрал подбородок.

– А вы... кто? – осторожно спросила Молли.

– Он самый обычный работник. – Я ответил сам, чтобы прервать этот поток непрошеного внимания. – Письма сортирует.

– Я Робин. Как Робин Гуд. – Он так произнес эту шутку, будто уже сто раз ее повторял, и я почувствовал к нему острейшую неприязнь.

– Эй, Робин! Где сводка? Ты заснул там, что ли! – грубо крикнул голос из главного зала.

– Не кричи, я иду!

Робин умчался, а я легким тоном спросил у Молли:

– Ты что, где-то его раньше встречала?

– Нет, я бы это запомнила, – пролепетала она.

Робин влетел обратно, и Молли умолкла, опять уставившись на него. Я почувствовал укол ревности. Посмотрев на Робина ее глазами, я понял, что парень вообще-то довольно привлекательный. Чистейшая, идеальная кожа, которая любой красавице сделает честь, тонкие черты лица, острая линия подбородка. Не ожидаешь увидеть у ирландца столь правильное лицо. Я вспомнил Флинна и совсем приуныл. Молли, похоже, нравились обаятельные и заметные красавцы. Я за такого, может, и сошел бы, но уж точно не сейчас.

– Мы ищем того, кто собирает сведения об убийстве на ярмарочной площади, – сурово сказал я.

Робин наострил уши, и у меня сердце сладко заняло от предвкушения его ответных слов: «У нас такого нет». Тогда мы сможем немедленно уйти и искать убийцу в другом месте.

– А он вам зачем? – спросил Робин, разом лишив меня надежды.

– Хочу с ним поговорить, – отрезал я. – Но, если он существует, говорить буду только с ним. Не могли бы вы нас к нему проводить?

– Так это я! – прошептал Робин, чуть не ложась грудью на стойку, и с пугающим энтузиазмом спросил: – Вы тоже интересуетесь убийством на земляничном празднике?

О нет, только не это!

– Я сегодня сделал вид, что по заданию разношу письма, а сам – на площадь, – продолжал Робин. – Наши хотели ограничиться краткой новостью, которую утром принесли мальчишки, дескать, погибла дочь барона, но я решил все выяснить. Столько деталей собрал: ее платье, шляпка, то, что она землянику покупала, а послушайте, что они написали! – Он порылся в бумагах на стойке и вытащил одну. – «Семнадцатого мая трагически погибла Элизабет, дочь барона Дигсби. Вероятная причина – попытка ограбления». Как вам?

– Довольно сухо, – признал я.

– Вот! В городе семью барона Дигсби не жалуют, так что вдаваться в детали никто не хотел, но, по-моему, это в корне неверный подход! Читатели жаждут знать о личной жизни таких, как барон, – о, вот это было бы увлекательно!

Я против воли почувствовал укол интереса. А Робин тем временем вышел из-за стойки, и я злорадно оглядел его старые сапоги и потертый сюртук.

– Раз вы интересуетесь этим делом, мы обречены на успех! После той вашей статьи я с вами хоть на край света. У вас чутье на сенсацию! – Он энергично протянул мне руку. – Робин О’Брайен.

«Робин» означает «малиновка», и в нем правда было что-то от птицы: живые, любопытные глаза, резкие движения, того и гляди запрыгает и запоет. Я кисло пожал ему руку, не снимая перчаток: это, конечно, неприлично, но моя холодная длань сразу выдала бы, кто я такой.

– Джон Гленгалл. Граф.

«Так-то, оборванец. А ты кто такой?»

– Молли Маллоун, – прошелестела Молли все с тем же ошалелым видом и пожала протянутую ей руку.

А потом Робин ей подмигнул. Молли сглотнула и кивнула, как будто это подмигивание было каким-то условным знаком. Я запылился таким праведным негодованием, что у меня едва температура тела не поднялась. Кто знает, может, на их ирландском это подмигивание и кивок значит что-то вроде «Ты мне нравишься, и ты мне, давай-ка целоваться и гулять под ивами!» Возмутительно!

– Напишу статью, и мои заслуги наконец-то признают, – пробормотал Робин.

Увы, моего негодования никто не заметил. Робин и Молли продолжали друг к другу приглядываться.

– Знаете, где живет барон? – громко спросил я.

– Конечно, знаю! Только нас туда не пустят.

– Объясните нам, как пройти, и не смеем больше вас задерживать. Уверен, вы очень заняты.

– Ну уж нет, такой шанс я не упущу! – Робин подошел к распахнутым дверям в зал и крикнул: – Сэм, мне надо отойти! По срочному делу!

– Опять в журналиста играешь? Письма сортируй, – свирепо ответил усатый мужчина, сидевший за безобразно захламленным столом. – Не забывай, кто тут на побегушках.

Робин сложил ладони в знак мольбы.

– Сэм, прошу. Письма не убегут, а наша газета прославится. Мы продадим не пять, а десять тысяч копий!

– Если выпад будет слишком резким, я тебя уволю, – с мрачным торжеством сказал усатый Сэм. – И если получится слишком беззубо, тоже: ради этого не стоило работу прогуливать. Помяни мое слово, еще один проступок – и ты тут не работаешь.

Робин дерзко пожал плечами и с независимым видом пошел к двери.

– Особняк барона недалеко. – Он оглядел меня. – Одеты вы траурно, так что с таким, как вы, нас могут и впустить. Идемте, Джон и Молли. Я на вас рассчитываю.

Я тяжело вздохнул. На меня в жизни еще не рассчитывало столько народу разом.

Обычные подозреваемые

От поездки в экипаже Робин отказался.

– Оставьте его тут, за ним приглядят. К нам кто только не приезжает!

По ближайшей улочке мы начали подниматься вверх по холму прямо к нависающему над городом замку. Я еще ни разу не подходил к нему так близко и только сейчас заметил хаотичную смесь архитектурных стилей: из-за крепких стен выглядывали и средневековая башня, и готический собор, и совсем новенькая георгианская капелла.

Эта часть города понравилась мне больше, чем все прочие, которые я видел: ряд чистых, аккуратных особняков напоминал родной Лондон. Похоже, то же самое как раз не нравилось Молли и Робину. Они озирались с неприязнью, причина которой была ясна, так что расспрашивать я не стал. Заведут в ответ волюнку про то, как британцы захватили их землю и понастроили особняков в своем стиле вместо унылейших ирландских домов из грубого камня.

– Давно работаете в газете? – громко спросил я у Робина.

Мне надоело слушать, как эти двое перешептываются с такими лицами, будто обсуждают самую увлекательную тему в мире.

– Три года, – ответил Робин, явно недовольный тем, что я прервал его секретную беседу с Молли. – Но меня недолюбливают, так что по службе я не очень-то продвинулся. В газете принято со всеми дружить, ходить в паб, на собачьи бега, а я в компанию не вписываюсь. Ну да сегодня у меня есть шанс сделать хороший материал про то, как живет злодею-барону!

– Что он такого натворил? – поинтересовалась Молли, не отводя глаз от Робина.

– Предал родину, – пафосно ответил Робин.

Особняк, перед которым мы остановились, показался мне очаровательным. За элегантной оградой – новенькое здание, построенное лет тридцать назад, не больше, вокруг него – опрятный сад. Ужасно, что девушка в белой шляпке больше сюда не вернется. Солнце сияло так тепло и приветливо – замечательный день, чтобы быть живым.

Я позвонил в колокольчик у ворот, продолжая разглядывать дом. Мне представлялось, что в жилище, юная хозяйка которого трагически погибла всего часов пять назад, будет куда более шумно: полиция, экипажи родичей, приехавших выразить соболезнования, карета врача для убитой горем семьи. Но вокруг царил тишина. Может быть, хозяева в отъезде?

Тут дверь открылась, и на порог вышел молодой слуга. Ливрея на нем была пышная, а вот с чертами лица не повезло: большие уши, широко расставленные глаза. Некрасивый, как тролль. Слуга обвел нас ничего не выражающим взглядом, сделал шаг обратно в дом и закрыл дверь. Я задохнулся от возмущения. Какая наглость! Видимо, хозяев и правда нет дома, раз слуги так распустились.

Я снова позвонил в колокольчик. Слуга снова выглянул. Нас разделяли ярдов тридцать ухоженного сада, но я надеялся, он разглядит, что я одет как джентльмен. Слуга заколебался, но все же пошел к воротам. Ну неужели!

– Добрый день, – начал я и осекся: нет, в этом доме он вовсе не добрый. – Барон дома?

– Дома, – с подозрением ответил слуга, остановившись посреди дорожки. – Но никого не примет.

– Он уже знает, что случилось? – осторожно спросил я.

Как не хочется быть тем, кто принесет трагическую весть!

– Знает. Констебль приходил пару часов назад, – сухо ответил слуга. – Прошу вас прийти в другой раз – барон скорбит.

И тут я понял, что привлекло мое внимание в его речи: он говорил без местного акцента. Знакомое, приятное слуху произношение.

- Вы англичанин? - с надеждой спросил я.

- Да. А вам что?

Невоспитанный, зато земляк!

- Послушайте, я ведь тоже англичанин. Умоляю, впустите нас.

Слуга заколебался.

- Раньше я вас не видел. Вряд ли вы из друзей барона.

Да что за подозрительность! Распоряжается, как у себя дома, а ведь должен просто пригласить меня зайти!

- Думаю, вам нужно впустить меня.

- А я думаю, вы просто любопытный зевака. Уж я-то знаю, как барона в городе не любят! С чего мне верить, что кто-то решил ему помочь?

В обычный день я бы кипел от негодования от его наглой речи, но близость смерти заставила меня проглотить возмущение и сдержанно ответить:

- Вы ошибаетесь. Я пришел с добрыми намерениями.

- А эти двое?

Я покосился на Молли и Робина. Те уже вернулись к своим переговорам вполголоса.

- Мои слуги. - Я втиснулся между ними, чтобы прервать их возмутительно тихую беседу. - Они помогают мне ходить - я слаб здоровьем.

Ноги у меня притворно подкосились, и я пошатнулся, надеясь, что этой парочке достанет ума подхватить меня прежде, чем я упаду. Подхватили! Для убедительности я даже выронил из слабеющей руки цилиндр.

– Мне трудно стоять так долго. – Я всем весом обвис на крепко державших меня под локти руках. – И я не пришел бы, если б не срочная необходимость поговорить с господином бароном.

Исхудавшее тело и бледное лицо определенно сыграли мне на руку. Слуга еще раз оглядел меня, подошел к воротам и отпер их. Победа!

– Ведите, я совсем ослаб, – приказал я Молли и Робину. – И поднимите мой цилиндр.

Молли вздохнула и потащила меня к дому, а Робин принялся ловить мой цилиндр, который ветер покатило вниз по холму. Как бы я хотел, чтобы Робин бежал за ним до соседнего города и обратно не вернулся!

Интерьеры, как и одежда, могут многое сказать о своих владельцах. Пока нас вели через анфиладу комнат, я заметил: обстановка дорогая, но устаревшая, словно на календаре начало века, а не тысяча восемьсот тридцать седьмой год. Видимо, особняк был пожалован хозяину в то же время, когда мой отец получил свой, после войны за присоединение Ирландии, и тягостно напоминал дом моего детства. До того, как меня убили, я мечтал заново его обставить и читал в журналах, что сейчас в моде: обои синих или зеленых оттенков с простыми узорами, мебель на гнутых ножках, шелковые ширмы, побольше пространства и воздуха в интерьерах. А тут, так далеко от родного дома, меня окружала знакомая картина: тяжелые бархатные шторы, повсюду балдахины и драпировки, громоздкая темная мебель. Мода в интерьерах, конечно, меняется не столь стремительно, как в одежде, но все же на дворе прогрессивный девятнадцатый век, и тридцать лет – большой срок.

В гостиной, куда нас привели, горе семьи стало очевидно. На столах – траурные скатерти, зеркало закрыто черной тканью. В кресле, глядя в камин, сидел седой мужчина – очевидно, хозяин дома. Он еще не повернулся, а мне уже стало не по себе. В нем была заметна военная выправка, и одет он был так, как одевались лет десять назад: такие же сюртуки носил мой отец, который никогда не гнался за модой. У меня возникло душное, неприятное чувство, что круг замкнулся и я

снова дома – там, где был убит, а потом одиноко бродил по темным коридорам.

Мужчина у камина обернулся и растерянно оглядел нас с Молли, – так, словно никто еще не приходил выразить ему соболезнований, и он искренне не понимал, что мы забыли в его доме.

– Барон, – мягко позвал слуга. – Джентльмен пришел посочувствовать вашему горю.

Вот так я впервые в жизни увидел ирландского аристократа. На вид он мало чем отличался от английского, никакого местного колорита. Да и на злодея, которого описал Робин, он не очень-то походил. Седой, аккуратный, гладко выбритый, лицо немного помятое, словно он то ли спал, то ли плакал, то ли выпил лишнего, а может быть, все вместе.

– Кто вы? – хрипло спросил он.

– Я... – От того, сколько знакомого было в этом доме и его хозяине, я сбился с мысли и позабыл все, что собирался сказать. – Меня зовут Джон Гленгалл. Я граф. Хочу выразить вам глубочайшее...

– Граф? Я вас не знаю. Вы из Британии? – перебил он. Я кивнул, и он всем телом развернулся ко мне. – А каков ваш годовой доход?

Ничего себе вопрос! Тут барон заметил, что я опираюсь на руку Молли, и предложил мне сесть. Я с благодарностью опустил в кресло напротив него и жестом велел Молли отойти – кто поверит, что она служанка, если она будет стоять у меня над душой? Я сразу покосился на Молли, чтобы узнать, не обиделась ли она на эту игру, но она чинно встала к стене и кивнула мне: дескать, продолжайте.

– Признаться, точные цифры моего дохода мне неизвестны. У меня достаточно денег на любые причуды, но мне еще нет восемнадцати, и я пока не могу распоряжаться...

– А когда вам исполнится восемнадцать?

– Этим летом, – ответил я, впервые с момента своей смерти вспомнив об этом.

Интересно, почему в столь трагических обстоятельствах мы обсуждаем мой день рождения?

– И даже ваш слуга умеет писать... – пробормотал барон. – Наверное, вы из самого Лондона.

Я медленно обернулся. Робин успел просочиться в комнату, положить мой цилиндр на столик, вытащить маленькую книжечку и начать что-то в нее записывать, скрипя походным пером. Встал он рядом с Молли, куда ближе, чем я посчитал бы приличным для едва знакомых мужчины и женщины. Я сурово глянул на свой цилиндр: ну почему он не услышал мой приказ катиться до самого Галлоуэя!

– Мой слуга тоже англичанин, – прибавил барон. – Но, признаться, неграмотный.

Тут я заметил, что некрасивый слуга не ушел – стоял у дальней стены, вытянувшись в струнку, и по его глазам я видел: он ловит каждое слово. Раньше я бы на него и внимания не обратил, слуги – это все-таки люди другого сорта, но последние месяцы научили меня не сбрасывать простой люд со счетов.

– Но вернемся к нашей беседе. – Барон подался ближе ко мне, не вставая с кресла. – Уже летом вы сможете распоряжаться своими деньгами, и у такого жениха, конечно, найдутся невесты и в Лондоне, но бьюсь об заклад – такой красавицы, как моя Нэнси, вам не найти.

Ах, так вот к чему он клонит! Видимо, у него есть и другие дочери, кроме погибшей Элизабет! Мой безошибочный компас общественного положения указывал, что ирландский барон – это, конечно, гораздо ниже, чем британский граф, и неудивительно, что он не прочь со мной породниться (конечно, приятно и то, что кто-то наконец оценил мой высокий титул!). Моральный компас, однако, указывал, что барон выбрал неподходящий момент для таких размышлений. Даже если у него великое множество детей, гибель дочери – все равно трагедия, и его черствость меня покорила.

Я промямлил что-то невразумительное, но барон меня не услышал, потому что в этот момент к нему скользнул слуга, наклонился и глухим, напряженным

голосом произнес:

– Барон, этот джентльмен выглядит подозрительно. Вы уверены, что можно верить ему на слово?

Я чуть не подскочил от неожиданности. Ничего себе вольность! Слугу, который имеет дерзость давать хозяину советы, надо гнать взащей. Барон, судя по всему, был того же мнения – он возмущенно выпрямился и глянул на меня: слышал я или нет?

– Единственная цель моего визита – выразить свои искренние соболезнования, – мирно произнес я. – Бедная Элизабет! Что же произошло?

– Трагическая случайность, – горько ответил барон. – Какой-то... Какой-то вор решил ее ограбить на ярмарке, и... У нее ведь было с собой так немного!

Ограбить... Я вспомнил: когда мы с Молли только подбежали к упавшей девушке, рядом валялся оброненный ею кошелек. А вот когда я подошел второй раз, кошелек уже не было. Но даже если его потом утащили, погибла она не из-за денег: когда убегал человек в синей шляпе, кошелек лежал на мостовой.

– Я видел ее на ярмарке. – Слуга продолжал сверлить меня взглядом, и я чувствовал потребность объясниться. – Я тоже был там со слугами. Возможно, графу на рынке не место, но этот сладкий запах земляники, веселье, музыка... И я заметил там вашу дочь. Она была одна, но мне показалось, она кого-то ищет... Дальнейшего я не видел.

Барон замотал головой, показывая, что не желает меня слушать.

– Она никого не искала, просто хотела сходить за земляникой. Лиам, подай гостям чаю.

Слуга не двигался, продолжая таращиться на нас. А я-то в Лондоне еще жаловался на недостатки своих слуг-стариков! Барон же тем временем вытер глаза и твердо вернулся к намеченному курсу.

– Нэнси очень музыкальна, прекрасно играет на фортепьяно. Мы скорбим об утрате, но надо жить дальше.

Я перенес много потерь и знаю, время залечит раны. – Он посмотрел на меня почти умоляюще. – Нэнси любит стихи, романы. Может поддержать самую изысканную беседу.

– О... – Я растерялся от его натиска. – Дело в том, что я болен. Вы слишком тактичны, чтобы показать это, но уверен: вы заметили мою болезненную худобу. Такой слабый здоровьем человек, как я, не имеет морального права думать о женитьбе.

Я надеялся, это положит разговору конец: кому охота выдать дочь за развалину, но не тут-то было.

– Уверен, это не станет препятствием для юных сердец, – твердо заявил барон. – Лиам, приведи Нэнси. А потом подай чай.

Лиам не сделал ни шагу – и внезапно обрел поддержку, откуда не ждали.

– Мне кажется, это низко, – звонко произнесла Молли. – Ваша Нэнси сестру потеряла, а вы ее сватаете?

Барон гневно обернулся к ней. Я тоже. Молли и Робин по-прежнему стояли очень близко, и Робин что-то записывал в книжечку.

– Граф, прошу простить, но ваша служанка... – пролепетал барон. – Это возмутительно!

– Я с вами согласен, – сверля Молли взглядом, поддакнул я. – Сами знаете, какими бывают слуги. Я ее держу только потому, что она сильна, как мул. Молли, подожди меня на улице.

Тут я подумал, что это вряд ли поможет мне завоевать ее сердце, но обида на то, как быстро они спелись с Робинсом, в эту секунду была сильнее мечты о взаимности. Робин тоже сделал шаг к двери.

– А ты останься, – мстительно сказал я. – Иначе кто поможет мне встать?

Робин неохотно остановился, гневно поглядывая на барона. Интересно, за что он его ненавидит, если они даже не знакомы?

– Сам меня выведи, что ли, – дерзко глянув на Лиама, сказала Молли. – А то заблужусь тут у вас, и неизвестно еще, куда забреду.

Лиам хмуро покорился. Они с Молли вышли, и я удовлетворенно поерзал в кресле. Ну вот, теперь никаких заигрываний за моей спиной. Чтобы прервать своднические поползновения барона, я начал бурно восхищаться интерьерами. Лиама что-то долго не было, уж не подралась ли с ним Молли по пути? Я ловил каждый звук, но в доме стояла тишина.

Наконец, прервав мои восхваления штор и подушек, вернулся Лиам, на котором я не заметил никаких следов драки.

– А теперь приведи Нэнси, – велел барон, который о своем приказе, увы, не забыл.

– Не думаю, что мисс Нэнси сейчас готова кого-то видеть, – отрезал Лиам.

Граф воззрился на своего непутевого слугу так, будто заговорила мебель.

– Простите, граф. Не представляю, что с Лиамом, обычно он так себя не ведет. Но если не исправится, придется его уволить.

Он многозначительно посмотрел на Лиама. Тот поклонился и натянуто произнес:

– Сейчас все исполню.

Лиам выскользнул за дверь, а я вдруг кое-что понял о бароне. Преклонение перед всем английским, интерьер без намека на Ирландию, дом поблизости от замка, где заседает британское колониальное правительство, интерьер в стиле начала века...

– Вы сражались в англо-ирландской войне на стороне англичан, – выпалил я.

И по тому, как дернулся рот барона, понял: попал.

– Вам дали титул и этот дом тогда же, когда моему отцу, – прошептал я. – Сразу после войны. За заслуги перед британским правительством.

Я не видел в этом ничего предосудительного, но барон взглянул на меня так, словно я уличил его в чем-то постыдном.

– Наш дом предстал перед вами не в лучшем виде, – сухо произнес он, взяв себя в руки. – Но я уверен: моя дочь вас очарует.

Я не принял его слова всерьез – родители всегда расхваливают своих чад, даже без всяких на то оснований, – но тут в комнату вошла Нэнси, и я замер как громом пораженный. Мне показалось, что девушка, которая на моих глазах погибла на площади, вернулась к жизни. Но сразу стало ясно: увы, непоправимое не исправить. Просто у сестер совершенно одинаковые лица – нежные, тонкие, в обрамлении светлых волос. И фигура прекрасная: стройная, царственно высокая. Я поднялся на ноги, забыв, что, по легенде, не могу встать без посторонней помощи. Ну да ладно, такая красота поднимает на ноги даже больных.

– Мисс Нэнси, – сдавленно проговорил я и сделал шаг навстречу. – Сочувствую вашей утрате.

Нэнси, в свою очередь, тоже замерла, как громом пораженная. Я не стал тешить себя надеждой, что это знак любви с первого взгляда. Может быть, женщины особенно тонко чувствуют жизнь, и она догадалась, что я мертв?

– Моя дорогая, познакомься, – встрял барон, потому что Нэнси продолжала потрясенно таращиться на меня. – Граф пришел выразить нам свои соболезнования. Он из Лондона. Замечательный молодой человек.

Нэнси сглотнула, и у меня в голове мелькнули сразу три мысли.

Первая: она может что-то знать. С кем бы еще Элизабет поделилась своими тайнами, как не с сестрой-близняшкой?

Вторая: убийца выбирает поразительно красивых женщин. Блондинка из Ливерпуля, девушка, которую я спас на площади месяц назад, и Элизабет, как две капли воды похожая на Нэнси, – что ему сделали все эти совершенные творения природы?

Третья: вот таких невест я привлекал бы, если бы не погиб. Такой была бы моя жизнь – знакомства с бледными дочерями баронов в гостиных. Такой невесте обрадовалась бы моя мама, будь она жива.

Подхваченный ураганом этих мыслей, я подошел к Нэнси Дигсби. Собирался поцеловать ей руку, но вовремя вспомнил, как холодны мои губы, и ограничился поклоном.

– Садитесь, прошу, – тихо сказал я.

Она послушно прошла за мной и одеревенело опустилась на краешек дивана. Я покосился на остальных. Лиам вытянулся у стены, как солдат. Робин изучал Нэнси оценивающим взглядом, неожиданно острым для такого болтуна. Меня кольнуло подозрение: а что, если он не такой уж и простак? Что, если у него есть какие-то тайные причины быть здесь, о которых он мне, конечно, не сообщит?

– Я не просто гость, я сыщик, – в порыве вдохновения тихо сказал я Нэнси. Мне очень нужен был союзник, и если кто-то здесь мог мне помочь, так это сестра убитой. – И клянусь вам, найти убийцу Элизабет – главная цель моей жизни.

Нэнси отрывисто кивнула и прижала ладони к груди, словно пыталась унять бешено колотящееся сердце.

– А другие братья и сестры у вас есть? – Она качнула головой. – Знаете, кто мог желать Элизабет зла?

Нэнси снова качнула головой, только в этот раз немного заколебалась. Она точно что-то знает! Но как же выяснить у нее правду? Идеальное лицо Нэнси подсказало мне мысль о том, что могло привести на площадь еще одну красавицу – ее сестру. В порыве вдохновения я склонился к Нэнси и с чувством прочел:

Когда в измученную грудь
Вонзались ненависти стрелы,
Лишь ты во тьме звездой блестела
И мне указывала путь.

Все той же верой встретил я
Тебя в дни бедствий, погибая,
И мир, где есть душа такая,

Уж не пустыня для меня[1 - Дж. Байрон, «Стансы к Августе». Перевод А. Н. Плещеева.].

Губы у Нэнси дрогнули, и она впервые взглянула на меня, а не на стену.

- Вы придумали это на ходу? Какие великолепные стихи! - восхитился барон. - Правда, Нэнси?

- Это Байрон написал, не вы, - хрипло ответила она.

Ого! Не думал, что женщина, да еще в Ирландии, способна узнать стихи великого Байрона. Признаться, я и правда собирался выдать их за свои, чтобы завоевать доверие прекрасной собеседницы. Но, раз она готова разоблачать вслух, значит, скорбь не подорвала ее душевных сил окончательно. Этим она напомнила мне Молли: говорит правду в лицо, несмотря ни на что.

- Восхищаюсь Байроном, - кивнул я, не отпуская ее взгляд. - Элизабет была так же прекрасна, как вы. У нее был кто-то, кто мог бы посвятить ей подобные строки?

Вот она, причина, по которой девушка, даже столь знатная, может выйти из дома одна: тайное свидание с возлюбленным. Нэнси нахмурилась, и я замер: неужели она сейчас что-то скажет?

Но тут дверь в гостиную распахнулась. На пороге стоял мужчина, на вид совершенно не джентльмен. Я опустил взгляд вниз, ожидая увидеть

облепленные грязью сапожищи, с которых комья земли сыплются на ковер. Сапоги и правда были, но скорее пыльные, чем грязные. Мужлан переводил мрачный взгляд с меня на барона. Наверное, он что-то доставил на кухню, а может, принес почту. Странно, что его впустили в гостиную. За спиной новоприбывшего маячил слуга постарше – возможно, дворецкий. Я мысленно отметил: Лиам так увлекся разговором, что не слышал колокольчик у ворот, и встречать нового гостя пришлось кому-то другому. И еще кое-что: барон смотрел на этого человека так, словно уже встречал его раньше.

– Детектив Шеймус Мур, полиция Дублина, – грубо сказал гость и уставился прямо на меня. – А вы кто такой?

Глава 4

Пять золотых фунтов

Больше всего меня удивило то, что на полицейском вместо униформы был обычный невзрачный костюм, примерно как у Робина.

– Добрый день. Меня зовут Джон Гленгалл. – Я решил промолчать о своем титуле: этот угрюмый мужчина был мало похож на почитателя аристократии. – Пришел выразить...

– Вы англичанин, – перебил детектив, наострив уши.

Ну, началось. Сразу было ясно: в отличие от барона, детектив этим обстоятельством отнюдь не восхищен.

– Англичанин, но искренне люблю Ирландию, – смиренно проговорил я.

Детектив скривился и махнул рукой, будто говоря: «Понятно все с вами».

- Вон отсюда, - сухо произнес он и указал мне пальцем на дверь.

Да что за времена настали! Повсюду грубость! Барон собирался за меня вступить, но я поспешно встал и взял со столика свой цилиндр. Из полиции, наверное, пришли по делам расследования, и мне не хотелось скандалить в столь трудный для семьи момент. Ничего, я под дверью подслушаю. У меня создалось впечатление, что шкафы в этом доме таят в себе не один скелет (очень надеюсь, что скелеты метафорические, а не настоящие).

- Мне и правда пора, барон. Могу ли я посетить вас снова? - проговорил я, подходя к двери.

- Конечно, - пролепетал тот. - Мы будем очень рады.

При слове «мы» он посмотрел на Нэнси, которая провожала меня тяжелым взглядом. Я выскользнул за дверь, сделав знак Робину следовать за мной. Тот даже на ходу продолжал царапать что-то в записной книжке.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дж. Байрон, «Стансы к Августе». Перевод А. Н. Плещеева.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sobol-_ekaterina/tanamor-nezrimyy-vrag

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)